

ГАНС ЗВЕРС



Охотници на дявола

Ганс Гейнц Эверс

Охотники на дьявола

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17168849

Аннотация

«Охотники на дьявола» – роман немецкого писателя и поэта Ганса Эверса (нем. Hanns Ewers, 1871-1943). *** Молодой писатель и странствующий философ Франк Браун находит в итальянских горах деревушку, быт которой кажется монотонным, если бы не психологические способности Брауна, который провоцирует среди местных жителей небывалую вспышку фанатизма... Ганс Эверс – автор произведений готической направленности, самыми известными из которых являются «Паук», «Альрауне» и «Смерть барона фон Фриделя».

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

4

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Ганс Гейнц Эверс

ОХОТНИКИ НА ДЬЯВОЛА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

– Итак, я буду очень рад видеть вас у себя сегодня к ужину! – сказал Франк Браун старому священнику.

Дон Винченцо протянул ему руку.

– Если позволите. До вечера!

Франк Браун медленно направился к гостинице, стоявшей на самом берегу озера. Там он выбрал комнату, умылся, написал несколько писем и вышел прогуляться. Когда он вернулся, колокол уж звал к столу. Но он сначала поднялся к себе, тщательно выбрился, переоделся и спустился вниз, когда уже подавали третье блюдо.

Священник уже ждал его за небольшим столом у окна.

– Простите, я заставил вас ждать – эта одна из моих скверных привычек. – Он взял карту вин и предложил гостю выбрать марку.

– Удивительно! Вы выбрали как раз мое любимое вино!

Несмотря на это, Франк Браун не выпил и полустакана, а ел и того хуже; зато он все время следил, чтоб тарелка соседа не была пустой. Когда подали десерт, Браун очистил яблоко для старика, отрезал ломтик для себя и посолил его.

Священник покачал головой:

– Вы едите яблоко с солью?

– Разумеется. Только тогда чувствуешь настоящий аромат яблока.

Священник тоже посолил свое.

– Да, вы правы. Всегда надо уметь подойти к сущности вещей.

– Конечно, дон Винченцо. Это – самое главное.

– Позвольте, почему это – самое главное?..

– Я имею в виду, что диагноз должен всегда быть на первом плане. Например, если мы хотим сделать яблоко...

– Сделать – яблоко? Но мы не желаем делать яблоки!

– Почему – мы не желаем? Напротив, мы все хотим делать!

Оставим яблоки, возьмем что-нибудь другое, например, холеру. Для того, чтобы бороться с нею, необходимо изучить жизнь бацилл. Не так ли?

– Совершенно верно. Но яблоки вы ведь хотите сделать, а холеру, наоборот, хотите уничтожить. С нею нужно бороться, а не создавать ее.

Франк Браун улыбнулся.

– Почему – нет? Ведь каждый год изобретают все новые и новые средства, чтобы возможно скорей и наиболее верным способом истребить как можно больше людей. Почему же не пустить во вражеский лагерь, вместо лиддита и мелинита, какую-нибудь страшную чуму, которая действует вернее

всех смертоносных орудий?

Священник перекрестился.

– Пречистая Дева! Помилуй нас!

– Я тоже надеюсь, что этого никогда не будет. Война вообще глупая вещь! – заметил Франк Браун.

Дон Винченцо пристально посмотрел на своего собеседника. Где он видел это продолговатое, загорелое лицо, эти глаза, то голубые, то серые, то вдруг зеленые? Ему казалось, что он уже раньше знал этот высокий, слегка выпуклый лоб с прямой прядью пепельных волос, и эти губы, слегка опущенные вниз, и полуоткрытый рот, показывающий белые зубы с кусочками золота между ними...

– Нет, нет, ваше преподобие! Вы не знали прежде меня. Сегодня утром мы впервые встретились с вами на пароходе.

– Что это значит? Вы читаете в мыслях?

– Разве это так трудно? Почти все люди похожи на открытую книгу. Особенно священники.

– К счастью, не все люди умеют читать.

– Да, дон Винченцо, есть много безграмотных. Мы вернулись опять к тому же вопросу. Самое важное – уметь читать. Эти значит, – видеть, познавать. И потом нужно уметь писать, т. е. творить...

– Доктор, вы католик?

Вопрос был поставлен неожиданно, но Франк Браун не смутился.

– Пока нет, – ответил он спокойно, – но, – кто знает? –

быть может, я стану таковым когда-нибудь. Надеюсь, однако, мы не будем теперь заниматься религиозным спором. Сегодня утром я просил вас указать мне тихий, укромный уголок, где я мог бы спокойно прожить пару месяцев. Вы указали мне Валь-ди-Скодра. Почему вы сами не хотите навесить эту заброшенную деревушку?

– Не хочу! Скажите лучше: не могу. Я получил сегодня письмо, в котором мне сообщают, что в Валь-ди-Скодра теперь не вполне тихо и не совсем спокойно: местные жители устраивают сектантские собрания.

– Кто же руководит ими?

– Во главе их стоит Пьетро Носклер, или мистер Питер, как он величает себя, или «Американец», как его называют крестьяне.

– Но кто такой этот мистер Питер?

– Это – бывший эмигрант. Лет тридцать тому назад, шестнадцатилетним юношей, он поехал искать счастья в Америке. Сначала он жил в Нью-Йорке, затем – в Чикаго и, наконец, попал куда-то в Пенсильванию. Всюду ему не везло, и он с трудом перебивался с женой. К счастью, детей они не имели. Здесь, в Пенсильвании, он примкнул к какой-то религиозной мистической секте из чисто материальных соображений: за ним начали ухаживать, заботы о пропитании отпали от него, и мало-помалу из ничтожного лапотника он превратился в настоящего сапожника, потом обзавелся даже собственным магазином. В этот момент ему свалилось счастье:

для сооружения нового храма община устроила лотерею, и главный выигрыш – двадцать тысяч долларов – достался ему. Это дало ему возможность осуществить свою заветную мечту – вернуться на родину. Здесь он купил дом, открыл обувную лавку, – деньги он вложил, по моему совету, в государственные бумаги – и живет около трех лет. Однако, хозяйство отнимает у него слишком мало времени и, от нечего делать, он начал устраивать у себя религиозные собрания, на которых проповедует покаяние в грехах.

В такой заброшенной деревушке все мрут со скуки; эти собрания с пением и молитвами – единственное развлечение после работ; поэтому понятно, что количество слушателей Американца до того разрослось, что ему пришлось выстроить специальный сарай для собраний: у него дома они уже не помещались.

– Но не противоречит ли его учение вашему, дон Винченцо?

– И да, и нет. Он говорит, например: исповедь нужна; но мало поверять свои грехи с глазу на глаз священнику: нужно иметь мужество заявлять о них открыто на собраниях. Только таким путем можно изгнать злого духа, который бродит по всей земле.

– И вы спокойно смотрите, как ваша паства идет к нему?

– Да. Это – тактика, которой вот уже двенадцать лет придерживается наш епископ. Он – очень умный человек и, поверьте, это самая удачная тактика.

– Однако, мне кажется, сидеть сложа руки, как вы, и смотреть, как движение принимает все большие и большие размеры, – совсем не в духе церкви!

– Вы не знаете наших гор, милый доктор. Иначе вы не говорили бы так. Видите ли, там, в глубоких долинах, окруженных горами, которые уходят высоко за облака, рождаются и живут люди, как в вечной темнице. Их мир бесконечно мал. Никогда они не видят широкого горизонта, никогда их взор не выходит за пределы их глубокой и тесной дыры. Каждый из них страдает уродством: одни – духовным, другие – телесным. Как слепые, они ощупью бродят, и так забыли жить, что не могут вспомнить, даже выйдя на широкий простор.

Тридцать лет, например, прожил Пьетро Носклер в Америке, а знает о ней столько же, что вот эта бутылка! Горы словно сжали, сдавили дух своих обитателей. Они все – христиане, благочестивее которых нет во всем мире; они любят Богоматерь и Христа. Но нас, священников, ужас охватывает порой, когда мы видим, как они веруют. Наш епископ однажды сказал очень метко: «Наши горы имеют больше богов, чем Рим и Эллада и вся Азия». Почти не проходит года, чтоб в какой-нибудь деревушке не возникла новая мистическая секта. Таким образом, вы видите, то, что творится сейчас в Валь-ди-Скодра, не ново для нас; немного новы лишь американские идеи.

– И вы считаете, что своим... ничегонеделанием боретесь с этими явлениями?

– Да. Не нужно вмешиваться! Именно таким образом мы достигаем блестящих результатов. Мы оставляем их в покое – и через короткое время угар проходит, и они снова стремятся в старую церковь, как ни в чем не бывало. Никто из них не знает, что он хочет; у них нет никакой руководящей идеи; поэтому их увлечения так безопасны; это своего рода болезнь гор, – наш епископ называет ее долинной лихорадкой.

– А знает епископ о происходящем в Валь-ди-Скодра?

– Разумеется. Я докладывал ему об этом, когда мне показалось, что движение принимает слишком серьезные размеры. Но он рассмеялся и сказал, что новая пенсильванская мода внесет хоть некоторое разнообразие, и настойчиво рекомендовал мне не вмешиваться, ибо, по его мнению, всякое давление может привести лишь к сопротивлению.

Я не был там уже четыре месяца. Последний раз я служил там обедню лишь для одного человека: все бегут теперь к Американцу.

Они собираются у него четыре раза в неделю и поднимают невообразимый шум своим пением и оглушительной музыкой. Однако, вас они беспокоить не будут: их сарай построен как раз на противоположном конце деревни.

Франк Браун улыбнулся.

– В таком случае, я отправляюсь туда завтра же утром. По-видимому, этот Американец – человек, которого можно использовать.

– Использовать?.. Как так?

– Разве я могу заранее знать? Все зависит от момента. В этих обитателях горных долин заложена таинственная, мистическая сила, и никакую силу нельзя оставлять неиспользованной.

– Эта сила – явление болезненное; и чем скорее она сгинет – тем лучше.

– Нет, вы не правы, старик, – сказал Франк вполголоса. – Ничто не должно погибнуть, не вкусив вполне жизни.

– Но злое...

– Даже злое! Оно имеет право на жизнь, как и все остальное. Отвратительно лишь то, что ничтожно! Все же сильное – красиво!

– Американец мало поймет из того, что вы только что говорили.

– Ему не нужно понимать, – ответил Франк Браун. – Его дело – созидать! Ах, если бы он мог сделать из этих жителей гор одну сплошную, цельную массу! Зверя, мощного зверя я буду иметь тогда, дон Винченцо, а тогда уж, – поверьте мне, – я сумею научить его кусаться!

– Вы мне разрешите, доктор, задать вам один вопрос?

– Разумеется.

– Гм... кто вы?

Доктор встал. Все лицо его светилось ясной, почти детской улыбкой.

– Кто я? Простой смертный. Зовут меня Франк Браун;

я умею читать и писать.

Франку Брауну пришлось ждать несколько дней почты в Валь-ди-Скодра.

Всю дорогу он ехал молча, не отвечая на замечания соседей, не обращая внимания на красивый пейзаж.

В деревне его поразила царившая там тишина и безлюдье. Она словно вымерла. Только с восточной стороны до него доносился неясный шум; он различил в нем человеческие голоса, затем протяжные звуки гармоники и, наконец, отрывистый бой барабана и звон треугольника. «Американец устроил концерт, – подумал Франк, – и вся деревня теперь у него».

Ему пришлось обойти все селение, прежде чем он увидел живое существо. Это был седобородый мужчина, сидевший на скамье перед домом, по-видимому, гостиницы.

– Добрый вечер! Вы – Пеппино Раймонди? Меня к вам направил дон Винченцо. У вас найдутся для меня две комнаты?

Хозяин повел его наверх, показал свободные комнаты рядом с комнатой дочери и предложить выбрать мебель по своему желанно.

Франк Браун выбрал комнаты с видом на озеро, помог хозяину перетащить нужную мебель, разобрал свои вещи, умылся и спустился в ресторан. Там сидели хозяин и пограничный жандарм Дренкер.

В комнате было довольно темно. Вдруг из двери напротив вырвался сноп света, и явилась молодая девушка с двумя

большими свечами.

– Это ваша дочь? – спросил Франк хозяина.

– Да, это Тереза, дочка. Славная девка! Подойди сюда, Тереза.

Но девушка отвернулась и вышла так же молча, как и вошла.

– Поддай ужин! – крикнул ей вслед отец. – Гости, вероятно, уж проголодались.

Через минуту она снова вошла, накрыла скатертью стол, поставила приборы и подала ужин.

Франк Браун поздоровался с нею, но она едва поклонилась в ответ. Она не села с ними за стол, а устроилась на скамье у окна и достала шитье.

Франк начал внимательно разглядывать ее. Это была высокая, стройная девушка, лет двадцати, с черными, как у отца, волосами и с огромными синими глазами: ее мать была немка.

Франк попросил у девушки хлеба, она поставила его на стол, но ни слова не ответила на его вопросы, – только недоверчиво взглянула на него и снова села на прежнее место.

Продолжая пить, есть и болтать, Франк не переставал наблюдать за девушкой. Он заметил, как она, время от времени, кидала на него украдкой быстрый, вопросительный взгляд, потом вынимала из кармана письмо, читала его и снова взглядывала на Франка.

«Так вот что, дитя мое: ты получила сегодня письмо и,

по-видимому, от дона Винченцо, твоего исповедника? Он предостерегает тебя против меня? Вот почему ты так подозрительна! – подумал Франк Браун. – Старик, старик, как ты еще глуп! Я никогда бы не коснулся твоей духовной дочери. Но теперь... зачем ты меня раздражил? Ты так стар уж, священник, и до сих пор не знаешь, что соблазнительно всегда лишь запретное...»

Франк снова посмотрел на девушку. У был прямой, красивый нос и не очень высокий лоб; густые черные брови лежали дугой над темно-синими глазами, на которые падала тень от длинных ресниц; при каждом вздохе ноздри ее дрожали и раздувались; рот был немного велик, а слегка сжатые губы, словно пышный гранатный цвет, выделялись на белом, как воск, лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.